

Человек,
которого
не было
в четверг

и
Елизавета Чернова

Елизавета Чернова

**Человек, которого
не было в четверг**

«Автор»

2026

Чернова Е.

Человек, которого не было в четверг / Е. Чернова — «Автор»,
2026

Что, если каждую неделю близкие забывают, что вы существуете? Марк знает ответ: по четвергам его имя исчезает из чужой памяти. Фотографии и записи остаются, но не возвращают близость. Как жить, когда даже любовь нельзя подтвердить воспоминанием? Психологическая фантастика о страхе потери, сожалении и будущем, которое кажется предрешённым. Пытаясь разобраться, Марк учится говорить о боли, слышать близких и отличать тревожный прогноз от неизбежности. Ведь память — не единственное доказательство любви, а честный шаг сегодня важнее гарантий, которых никто не может дать. Для тех, кто боится перемен, устал от неопределённости или хочет лучше понимать себя и близких. История не раздаёт рецептов, но напоминает: даже если нельзя изменить прошлое или управлять другим, можно выбрать следующий шаг. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Чернова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Человек, которого все знали	6
Среда — день, когда я начинал прощаться	10
Четверг: имя, которого никто не помнил	15
Записки для мира, который забывает	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Елизавета Чернова
Человек, которого не было в четверг
Человек, которого не было в четверг
Елизавета Чернова

Человек, которого все знали

Чайник щёлкнул ровно в шесть сорок три. Марк, ещё не открыв глаз, потянулся к выключателю, хотя тот уже молчал. За окном серел рассвет: одинаковый для всех будней, будто город каждое утро надевал одну и ту же выцветшую рубашку.

Он налил кипяток в кружку с отколотой ручкой, бросил пакетик чая и поставил рядом тарелку с двумя ломтиками хлеба. На кухне пахло сухим тостом, лимонным средством для мытья посуды и батареей, которая зимой начинала постукивать без всякого расписания. Марк знал, сколько нужно ждать, прежде чем чай станет терпимым. Знал, где на столе лежат ключи. Знал, что если выйти из дома без шарфа, к остановке всё равно придётся вернуться: в марте ветер у перекрёстка пробирал до костей.

Утро не требовало от него решений. В этом была его прелесть.

Телефон завибрировал. Сестра прислала фотографию маминой посылки и спросила, сможет ли Марк забрать её после работы. Он набрал: «Конечно», хотя на вечер у него стояло напоминание позвонить в мастерскую и записаться на занятие по гончарному делу. Напоминание он переносил уже три недели. Мастерская закрывалась в семь, посылочный пункт — в девять. Расчёт был простым, и Марк привычно выбрал то, чего от него ждали.

Он допил чай, вытер крошки ладонью и проверил карманы. Телефон. Ключи. Проездной. На крючке у двери висела тёмно-синяя куртка. Красного в квартире не было.

Эта мысль пришла позже. Тогда она ничего не значила.

Обычно дорога занимала сорок минут. Марк шёл до остановки вдоль булочной, где пекли хлеб раньше рассвета, садился в автобус семнадцатого маршрута и выходил у здания, в котором работал. Он знал, что водитель с усами по понедельникам слушает новости, а по пятницам — джаз. Знал женщину, которая занимала место у окна и всегда держала на коленях тканевую сумку с зелёными яблоками. Они не были знакомы, но здоровались.

На работе его знали лучше. По крайней мере, так говорили.

— Марк, ты помнишь, где у нас лежит договор с «Ладогой»?

— В верхнем ящике, под папкой с прошлогодними сметами.

— Марк, ты же сегодня проверишь презентацию?

— Да, конечно.

— Ты ведь не против, если я поставлю встречу на обед? Только ты у нас умеешь объяснять, почему цифры опять не сходятся.

Он улыбался, отвечал, подхватывал чужую спешку, как человек, которому давно назначили дежурство по чужим делам. Коллеги доверяли ему ключи от архива, списки паролей и неприятные разговоры с подрядчиками. На день рождения ему дарили кружки с надписями вроде «Наш человек». Марк складывал их в кухонный шкаф и пользовался одной и той же.

Все знали, что он надёжный. Почти никто не спрашивал, чего ему хочется.

В кухне чайник всё ещё тихо остывал. Марк потянулся за курткой, и в этот момент за окном протяжно взвизгнули тормоза автобуса. Звук скользнул по стеклу, тонкий и металлический. Он не был похож на поезд. Марк это знал.

Но сначала пришёл запах.

Мокрая шерсть. Сырая, тяжёлая, чуть кислая. Запах, который бывает у рукавиц, оставленных у печки, и у пальто, промокшего насквозь. Он возник так отчётливо, будто кто-то вошёл в кухню и повесил на спинку стула мокрую одежду.

Марк замер с курткой в руках.

Потом увидел платформу.

Не представил её, не вспомнил по фотографии. Увидел так, как видят место, в котором уже стояли: бетон под ногами, тёмная полоса между шпалами, будка кассы с мутным стеклом.

На стене висело круглое расписание в железной рамке. На одной странице расплылось чернильное пятно. Под ногами мальчика лежал окурок, приплюснутый подошвой.

Мальчик был маленький. Лет девять, не больше. На подбородок ему падал красный шарф — грубый, колючий, слишком длинный. Один конец был мокрым и прилипал к пальто. От шерсти пахло дождём и дымом. У мальчика замёрзли пальцы; он сжимал ими бахрому шарфа, пока узел не отпечатался на ладони.

Перед ним стояла девочка. Лида. Имя возникло само собой, без усилия, как будто Марк всю жизнь его знал. На девочке было пальто с большими пуговицами и смешная шапка, из-под которой выбивалась светлая прядь. Рядом стоял небольшой чемодан с кожаными уголками. Из окна вагона тянуло тёплым воздухом и угольной гарью.

— Ты приедешь? — спросила девочка.

Мальчик ответил не сразу. Ему хотелось сказать что-нибудь такое, чтобы она перестала смотреть на него с недоверием. За её спиной кто-то позвал: «Лида, пора».

— В следующий четверг, — сказал он. — Я буду ждать тебя здесь.

— Ты обещал и в прошлый раз.

В груди у мальчика что-то сжалось. Он знал, что должен сказать правду, но правда была слишком похожа на трусость.

— Я приеду, — повторил он. — Обещаю.

Девочка протянула руку, будто хотела заставить его скрепить слова рукопожатием. Он коснулся её пальцев, холодных и влажных. Потом гудок разрезал воздух, и дверь вагона захлопнулась.

Самого отъезда Марк не увидел. Он почувствовал его: дрожь платформы, короткий рывок состава, пустоту на месте, где только что стояла девочка. И ещё — стыд. Не детскую досаду, что поезд ушёл, а тяжёлый, взрослый стыд человека, который уже знает, что не сдержал обещание.

Марк уронил куртку.

Кухня вернулась сразу. Тост на тарелке остыл. На столе дымились кружка. За окном автобус отъехал от остановки, оставив на асфальте грязную воду. Никакой платформы, никакой девочки, никакого мальчика. Только запах мокрой шерсти ещё несколько секунд держался в воздухе, а потом исчез.

Марк посмотрел на часы. Шесть пятьдесят одна.

Он не опоздал. Он не падал в обморок. Не проснулся после дурного сна — хотя, возможно, сон мог быть настолько убедительным, что зацепился за утреннюю тишину. Он помнил, как лёг вчера, помнил, что не пил, не смотрел перед сном ничего про поезд. Он даже помнил, что в детстве редко ездил на электричках: в их районе железной дороги не было.

«Вспомнился какой-то фильм», — сказал он себе.

Фраза прозвучала гладко и бесполезно. Марк знал этот способ: подобрать объяснение прежде, чем успеешь почувствовать. Если не получается объяснить — отложить. Если отложенное не исчезает — назвать глупостью. Так он поступал с непрочитанными письмами, с неприятными разговорами, с собственными желаниями. Но сейчас ему почему-то не захотелось торопиться.

Он поднял куртку, повесил на крючок и оглядел кухню. На столе лежали крошки. На подоконнике стоял горшок с увядшим базиликом. Ни красного шарфа, ни мокрой одежды. Вся сцена была внутри него, но ощущалась так, будто он только что вышел из неё на мороз.

Марк добрался до работы обычным маршрутом. На автобусной остановке женщина с яблоками поздоровалась, водитель в усах включил новости. Всё происходило на своих местах. Только Марк несколько раз поймал себя на том, что сжимает правую ладонь.

— Ты сегодня какой-то бледный, — сказала Ирина из бухгалтерии, когда он вошёл в кабинет. — Не заболел?

— Нет. Просто рано встал.

— Тебе бы научиться спать до будильника. А то мы без тебя договоры не найдём.

Она сказала это ласково. Марк улыбнулся. Она действительно знала, что он помнит, где лежат договоры. Но не знала, что у него в голове стоит чужая платформа, и он всё ещё слышит невысказанный гудок.

В половине одиннадцатого начальница попросила его посмотреть презентацию. Марк уже открыл файл, когда заметил, что не может прочесть заголовок. Буквы расплывались, хотя глаза не болели. Он закрыл ноутбук.

— Я проверю после обеда, — сказал он.

— А сейчас?

Он помедлил. Коллеги за соседними столами говорили о сроках, кофе и чьей-то поездке. Его голосу нужно было пересечь всего несколько метров, чтобы вернуться к привычному «да, конечно».

— Сейчас мне нужно кое-что записать.

Начальница удивлённо подняла бровь.

— Хорошо. Только не забудь, пожалуйста.

Она сказала это так, будто Марк уже забыл что-то важное. Он почувствовал короткий укол раздражения — не на неё, а на себя. На то, как легко он позволял чужому «не забудь» заглушать собственное «обрати внимание».

В обед Марк достал из ящика письменного стола небольшой блокнот. Он купил его зимой, собираясь вести список дел, но успел записать только два телефонных номера и одну фразу из книги, которую так и не дочитал. На чистой странице он провёл две вертикальные линии и разделил лист на три колонки.

Вверху написал:

«Что я помню».

«Что чувствую».

«Что могу проверить».

Потом посидел, глядя на заголовки. Рука не двигалась. От него будто требовалось решить, правда это или нет, прежде чем разрешить себе записать. Но он не знал, как решать. Знал только, что переживание было.

В первой колонке он написал: «Платформа. Запах мокрой шерсти и дыма. Красный шерстяной шарф. Мальчик примерно девяти лет. Девочка по имени Лида. Она уезжала. Он обещал ждать её здесь в следующий четверг. Был уверен, что обещание не сдержал».

В конце фразы Марк задержал ручку. «Был уверен» — не то же самое, что «не сдержал». Он поставил перед словами маленькую черту и добавил: «Воспоминание утверждало, что не пришёл».

Во второй колонке сначала написал: «Странно». Потом зачеркнул. Странно было слишком общим словом, в котором помещалось всё и ничего. Он прислушался к себе. Горло было сухим, ладонь сжата. На языке оставался едва уловимый привкус железа.

«Стыд», — написал он.

Это слово сразу сделало чувство точнее. Не превратило его в факт, не объяснило источник, но перестало размывать. Под ним Марк добавил: «Тревога. Жалость к мальчику. Страх, что это моё, хотя не похоже на моё».

Третья колонка оставалась пустой.

Он разложил то, что знал, по мелким полкам. Родился в городе. В детстве ездил к бабушке на дачу, но туда добирались на автобусе. Железнодорожную станцию видел, однако не помнил, чтобы бывал там один. Мать хранила семейные альбомы. В них можно было поискать фотографии, но отсутствие красного шарфа на снимках ещё ничего не доказывало. Он не знал, существовала ли девочка Лида. Не знал, были ли у него знакомые с таким именем. Не

знал даже, откуда взялось название станции, потому что никакого названия в воспоминании не было.

Он записал: «Спросить маму о красном шарфе и поездках на станцию. Посмотреть фотографии. Пока нельзя подтвердить, что воспоминание принадлежит мне».

Потом перечитал всё ещё раз. Три колонки не давали ответа. Они делали другое: не позволяли смешать запах, стыд и догадку в одно уверенное утверждение. Марк заметил, что от этого ему стало легче дышать. Не спокойно, но свободнее.

Под записью он добавил дату. Вторник.

День продолжился. Марк проверил презентацию после обеда, нашёл две ошибки и отправил начальнице исправленный файл. Он забрал посылку для матери, ответил на три письма и один раз сказал «нет» — не прямо, а чуть осторожнее: попросил коллегу самому позвонить подрядчику, потому что не успевал. Коллега недовольно вздохнул, но позвонил. Мир не рухнул.

Вечером Марк вернулся домой и поставил пакет на стол. Квартира встретила его тишиной. В коридоре всё стояло как утром: синяя куртка на крючке, ботинки у стены, зонт в углу. Он приготовил чай и сел за кухонный стол с блокнотом.

Телефон лежал рядом. Марк открыл переписку с матерью. Набрал: «Мам, у меня в детстве был красный шерстяной шарф?» Перечитал вопрос и почти стёр. Он хотел добавить про девочку, платформу, обещание. Хотел попросить мать объяснить всё сразу, хотя сам понимал, что ни один ответ не обязан это делать.

Вместо этого он отправил первое сообщение. Не потому, что верил, будто вопрос разрешит загадку. Просто теперь у него был вопрос, который можно было задать, а не только проглотить.

В блокноте он поставил рядом с третьей колонкой маленькую галочку возле слов «спросить маму». На следующей строке написал: «Не знаю, что это было. Знаю, что почувствовал стыд. Не буду называть одно другим».

Марк закрыл блокнот, собираясь убрать его в ящик. На ладони что-то защекотало. Он перевернул руку к свету.

Поперёк складки кожи лежала короткая красная шерстинка. Под ней тянулась тонкая багровая полоса, словно тугой узел шарфа долго вдавливался в ладонь. Марк поднёс руку ближе. В квартире не было красной одежды. Он не касался ничего шерстяного. Утром его ладонь была чистой.

Он провёл по полосе большим пальцем. На коже остался едва заметный красный ворс, а в носу снова возник запах мокрой шерсти.

Марк не стал стирать его о край стола. Он открыл блокнот и вписал в третью колонку: «На ладони красная шерстинка и след. Сегодня красного шарфа у меня не было».

Затем положил ручку рядом со страницей и оставил ладонь раскрытой, будто боялся потерять ещё одну деталь.

Среда — день, когда я начинал прощаться

В среду Марк проснулся до будильника и обнаружил, что всё ещё держит ладонь раскрытой.

Красная шерстинка лежала на странице блокнота. Тонкая полоса на коже побледнела, но не исчезла. Он посмотрел на неё, потом на вчерашнюю запись, и заставил себя не придумывать объяснение. Утром он не надевал красного. Это он помнил. Шерстинка на бумаге — это он видел. Всё остальное пока оставалось неизвестным.

На кухне он включил чайник и написал на полях: «Среда. Вышел из дома в семь тридцать пять. Ладонь ещё красная». Потом на секунду задержал ручку над бумагой и добавил: «Сегодня попробую не пропустить то, что можно проверить».

Он не знал, что именно собирается проверять.

На остановке пахло мокрым асфальтом и дрожжевым тестом: из пекарни на углу выносили первые противни. Город просыпался привычно — с автобусами, ворчанием дверей и людьми, которые уже смотрели в телефоны, хотя до работы оставалось полчаса. Марк шёл к станции и вдруг понял, что запоминает лица. Женщина в зелёной шапке, мальчик с рюкзаком, кондуктор в автобусе. Не потому, что ожидал беды. Скорее, потому, что последние дни научили его: привычное присутствие не такое надёжное, как кажется.

У входа на платформу электронное табло мигнуло и вывело строку:

«ЧЕТВЕРГ, 18:42. ПОЕЗД ШЕСТЬСОТ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДО ЛЕСНОГО ОТМЕНЁН. ТЕХНИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ПУТИ».

Марк остановился. Табло обычно показывало ближайшие рейсы и задержки, а не завтрашние. Он открыл приложение железной дороги. Завтрашний поезд числился по расписанию.

— Это у них шутка такая? — спросил он женщину рядом.

Она подняла глаза от стаканчика с кофе.

— Какая?

Марк показал на экран.

Женщина побледнела так быстро, что он сначала подумал: ей стало плохо.

— Я это уже видела, — сказала она. — Завтра вечером. Поезд не пришёл, и все стояли под дождём. Я ещё злилась, что не взяла зонт.

— Но сейчас среда.

— Я знаю.

Она сказала это не как человек, который ошибся в дате. Скорее, как человек, который обнаружил, что привычная последовательность дней внезапно стала дырявой.

Мужчина в форменной куртке, стоявший у двери служебного помещения, подошёл ближе.

— У нас пока отмены нет, — сказал он. — Я утром проверял. Видимо, сбой на табло.

— А вы завтра будете здесь? — спросила женщина.

Мужчина нахмурился.

— Я... — Он потёр подбородок. — Почему-то помню, что буду. И что поезд отменят.

Они переглянулись. Ничего не произошло, но что-то изменилось: теперь каждый знал, что не один видел эту строку.

Марк достал блокнот. На свободной странице провёл четыре короткие линии и подписал колонки: «Время», «Источник», «Что предсказано», «Что произошло после».

В первую строку он внёс: «7:41. Табло станции. Завтра в 18:42 отменят поезд до Лесного. Женщина и дежурный говорят, что помнят отмену».

Слово «помнят» он подчеркнул, а слово «будет» не написал.

Через квартал на стеклянной двери кафе «Маяк» висело меню завтраков. Кафе было закрыто, металлическая штора опущена до половины. Между списком блюд и часами работы кто-то приклеил белый лист:

«ЗАВТРА В 11:20 В КУХНЕ НАЧНЁТСЯ ПОЖАР. ПОСЕТИТЕЛИ НЕ ПОСТРАДАЮТ».

Марк перечитал фразу. Внизу стояло: «Хорошего дня». Он невольно усмехнулся: подпись звучала так, будто бумагу повесил человек, который просто забыл убрать особенно неудачную шутку.

К дверям подкатил курьер на велосипеде, поставил ногу на землю и посмотрел на лист.

— Уже висит? — спросил он.

— Вы его видели раньше?

— Не его. Это. — Курьер кивнул на слова. — Я помню, что завтра привезу сюда продукты, услышу сигнализацию и оставлю ящики прямо на тротуаре. Ещё думал, что надо позвонить хозяину. — Он помолчал. — Но почему-то не позвонил.

— Может, позвонить сейчас?

Курьер посмотрел на кафе, потом на свой телефон.

— Наверное. Но это же не я отвечаю за их кухню.

Он оттолкнулся и уехал, не набрав номер.

Марк записал время и текст. Добавил: «Курьер помнит завтрашний сигнал. Пока не действовал». Слово «пока» показалось ему важным. Оно оставляло место для решения.

В офис он пришёл на десять минут позже обычного. На ресепшне дежурила Тамара, которая всегда спрашивала его, взял ли он кофе. Сегодня она подняла на него глаза, улыбнулась и спросила:

— Как ты?

Марк собирался ответить привычное «нормально», но вместо этого задержался.

— Не знаю. Но рад тебя видеть.

Тамара засмеялась.

— Это звучит так, будто ты уезжаешь.

— Нет. Просто подумал, что иногда говорю людям важное только задним числом.

Он услышал собственные слова и удивился, как мало в них было шутки.

За рабочим столом он несколько раз ловил себя на том, что слушает офис: как коллега набирает текст двумя пальцами, как за стеной кашляет уборщик, как Ника напевает что-то, пока ждёт загрузки файла. После обеда Марк подошёл к ней с чашкой и сказал:

— Спасибо, что тогда прикрыла меня с тем отчётом. Я помню.

— Ты уже благодарил, — сказала Ника.

— Не так, чтобы я сам это услышал.

Она внимательно посмотрела на него.

— Всё в порядке?

— Проверяю.

— Что именно?

— Присутствие.

Ника улыбнулась неуверенно, но не стала расспрашивать. Когда Марк возвращался к своему столу, он понял, что весь день начал прощаться — не драматично, не навсегда, а так, будто каждое «спасибо» и каждое «увидимся» стоит произнести, пока человек перед тобой ещё здесь.

После работы он пошёл к остановке другим маршрутом. На улице ветер гонял по тротуару обрывки рекламных листовок. У цветочного магазина люди странно обходили пустой участок у стены. Никто не перекрывал проход, на асфальте не было ни ленты, ни предупре-

ждающих знаков, но пешеходы делали одинаковую плавную дугу, огибая место размером с небольшой стол.

Марк остановился.

Над магазином висела большая рекламная конструкция — яркая фотография новых квартир в раме, прикреплённой к стене металлическими кронштейнами. На тёмном экране под ней, обычно показывавшем цены и номер телефона, горела белая строка:

«ЧЕТВЕРГ, 12:06. КОНСТРУКЦИЯ УПАДЁТ. НЕ СТОЙТЕ ПОД НЕЙ».

Марк посмотрел на пустой участок тротуара. Туда, судя по высоте и углу наклона, пришлось бы падение.

Мужчина с пакетом, обогнувший это место, заметил его взгляд.

— Вы тоже это помните? — спросил Марк.

Мужчина нахмурился.

— Завтра здесь будет строительная лента. Я видел её. И как панель висит на одном углу. Думал, это вообще у соседнего дома.

— А почему не сообщили кому-нибудь?

— Кому? Управляющей компании. Это же их конструкция.

Он произнёс это легко, почти успокоенно, и пошёл дальше.

У цветочного магазина девушка расставляла ведра с тюльпанами. На бейджике было написано «Вера». Марк подошёл к ней.

— Вы знаете, что рама над входом шатается?

Вера выпрямилась и посмотрела вверх.

— Мы заявку оставляли. Сказали, мастер будет завтра.

— А если она упадёт сегодня?

— Вроде не падает.

Он показал на экран. Вера прочитала сообщение и посмотрела на прохожих, которые всё ещё обходили пустое место.

— Я думала, это люди просто от лужи обходят, — сказала она.

Марк опустил взгляд на сухой тротуар.

— У вас ведь ящики стоят прямо под ней. Давайте отодвинем и позвоним ещё раз. Не потому, что я знаю, что будет. Потому что крепление выглядит ненадёжным.

Последняя фраза прозвучала важнее первой. Марк не просил поверить в чудо. Он предлагал посмотреть на то, что было перед глазами.

Вера поглядела на кронштейн. Один болт действительно выступал из стены, а край металла чуть подрагивал на ветру. Она отодвинула ящики и позвонила управляющей компании. Её начальник сначала сказал, что заявка уже зарегистрирована и ремонт назначен на завтра.

— А если до завтра она рухнет? — спросила Вера.

В трубке помолчали.

Марк не слышал ответа, но увидел, как девушка снова посмотрела на болт.

Через десять минут к магазину приехал техник. Он попросил прохожих отойти, поставил переносное ограждение и полез к креплению с лестницы. Едва он коснулся рамы, ветер ударил в стену. Конструкция качнулась и глухо стукнула о кирпич. Один болт вылетел и покатился по тротуару.

Вера прикрыла рот ладонью. Марк поднял болт. На его резьбе блестела свежая металлическая стружка.

— Хорошо, что вы не стали ждать, — сказал техник. — Тут держалось уже на честном слове.

Они сняли часть креплений и зафиксировали раму страховочным тросом. Никто не пострадал. Вера вернулась к цветам, но ящики оставила в стороне.

В это время экран под рекламой погас. Несколько секунд в нём отражались серое небо и лица прохожих. Затем на тёмном стекле появилась новая строка:

«ЧЕТВЕРГ, 8:03. СПРОСИ ЕГО ИМЯ».

— Кого? — тихо спросила Вера.

Марк не ответил. Он достал блокнот, записал время и сделал фотографию. Когда он посмотрел на экран снова, строка исчезла. Там снова появились цена квартиры и номер телефона.

Он добавил в журнал: «15:26. Экран над цветочным магазином. Предсказано падение конструкции завтра в 12:06. Предупредил Веру, отодвинули ящики, вызвали техника. Рама качнулась, болт выпал. Её закрепили. После этого сообщение изменилось: “Четверг, 8:03. Спроси его имя”».

Впервые за день его запись стала похожа не на наблюдение, а на маршрут: увидел, проверил, сделал. Не контролировал город. Не знал, что произойдёт. Но оказался не обязанным ждать, пока сомнение превратится в доказательство.

В 18:42 Марк был на станции. На табло снова появилась строка о поезде до Лесного. В приложении железной дороги обновилось расписание: рейс отменяли из-за проверки участка пути. Дежурный, которого Марк видел утром, заметил его и коротко кивнул.

— Вы были правы, — сказал он.

— Я не был прав. Я записал то, что увидел.

Дежурный задумался, будто разница была важной, но непривычной.

— Тогда записывайте дальше.

Вечером Марк вернулся к кафе «Маяк». Хозяйинница, невысокая женщина с седыми волосами, снимала с двери листок о пожаре. Она призналась, что не вывешивала его и не знает, кто это сделал. Но, когда Марк спросил, пахло ли в кухне горелым, она помрачнела.

— Вчера у плиты что-то щёлкнуло. Я вызвала электрика на завтра. Ничего серьёзного, наверное.

Она снова посмотрела на листок. Потом позвонила электрику и попросила прийти сегодня. Пока ждала, выключила питание кухонной линии.

— Если это чья-то дурацкая шутка, я всё равно предпочитаю не рисковать, — сказала она.

Электрик нашёл под обшивкой перегретый контакт. По его словам, до возгорания могло и не дойти, но оставлять всё как есть было опасно. Хозяйка кафе стояла рядом, сложив руки на груди. На листке, который она держала, всё ещё читались слова: «ПОСЕТИТЕЛИ НЕ ПОСТРАДАЮТ».

Марк записал и это. Не «завтра точно случился бы пожар», а: «Вечером обнаружен перегретый контакт. Питание отключено. Возможность возгорания нельзя подтвердить».

Дома он разложил блокнот, фотографии и красную шерстинку, всё ещё лежавшую на странице. В журнале уже было три разных источника, несколько людей, которые вспоминали один и тот же завтрашний день, одно подтверждённое расписанием сообщение, одно найденное повреждение и одна конструкция, которую удалось закрепить до падения.

Он не знал, что связывало эти события. Не знал, была ли надпись на экране предупреждением, совпадением или чем-то, чему у него ещё не нашлось названия. Но он знал, что люди видели опасность и отводили взгляд, потому что ответственность, как и будущее, казалась принадлежащей кому-то другому.

Перед сном Марк написал сестре: «Я сегодня подумал о тебе. Рад, что ты есть». Он перечитал сообщение, не добавляя к нему ни объяснений, ни тревожных предположений, и отправил.

Потом открыл последнюю страницу журнала и разделил её на две части. Слева написал: «Что я наблюдал». Справа: «Что я предполагаю».

В первой части появились время, табло, слова незнакомцев, болт на асфальте, тёплый провод в кафе. Во второй — вопрос о том, почему город будто помнит четверг раньше среды.

Чуть ниже он переписал фразу с экрана: «Четверг, 8:03. Спроси его имя».

На этот раз Марк не стал пытаться разгадать её до того, как наступило утро. Он закрыл блокнот, но долго не гасил свет. За окном город шумел так, будто ничего не произошло и ничего не готовилось произойти.

Утром ему предстояло узнать, как много может изменить внимание. И как мало оно обещает удержать.

Четверг: имя, которого никто не помнил

В четверг Марк проснулся за минуту до будильника и сразу посмотрел на телефон. 6:58. День не торопился доказывать, что он особенный.

Вчерашнее сообщение сестре оставалось без ответа. «Я сегодня подумал о тебе. Рад, что ты есть». Он не стал перечитывать его в третий раз. Просто умылся, оделся и сунул блокнот во внутренний карман куртки.

На перекрёстке у старой аптеки остановился в 8:03.

Дорожный знак над тротуаром слегка покачивался на ветру. Ещё вчера один болт крепления почти вылез из кирпичной стены. Марк заметил это, позвонил в городскую службу и назвал адрес. Теперь возле столба стоял рабочий в оранжевой куртке, придерживал лестницу плечом и затягивал свежий болт.

На табло остановки сменились минуты прибытия трамваев. Среди них на миг проступила строка, которую Марк видел накануне:

«Спроси его имя».

Рабочий убрал гаечный ключ в сумку. Марк подошёл ближе.

— Вы по заявке на знак?

— По наряду, — ответил тот. — Сказали, крепление разболталось.

В голосе не было ни удивления, ни подозрения. Просто усталость человека, которому до обеда предстояло проверить ещё несколько адресов.

— Вы знаете, кто сообщил?

Рабочий пожал плечом.

— В наряде только место и описание. Имя не указали.

Марк посмотрел на его нагрудную карточку. Пластик запотел, буквы расплылись. Он мог бы наклониться и прочитать. Вместо этого спросил:

— Как вас зовут?

Рабочий моргнул, потом улыбнулся.

— Глеб.

Марк записал имя в блокнот. Не потому, что Глеб имел отношение к загадке. Потому, что в эту минуту это было единственным, что он мог сделать с загадкой, кроме как снова пытаться объяснить её себе.

У кафе на углу Марк задержался. Вчера он заметил у кассы тёплый провод и попросил бариста вызвать электрика. Сегодня провод был убран в новый короб. Девушка за стойкой вытирала кофемашину.

— Починили, — сказал Марк.

— Да. Кто-то вчера позвонил, — ответила она. — Спасибо ему, а то у нас искрило возле розетки.

— Это я вам сказал про провод.

Девушка посмотрела на него без неловкости, даже без тревоги. Просто старалась понять, откуда его знает.

— Простите, вы у нас впервые?

Марк почувствовал, как вопрос касается чего-то внутри него, будто холодный палец проверяет место ушиба.

— Вчера мы разговаривали. Я стоял вот здесь.

Он указал на край стойки. Бариста перевела взгляд туда, потом обратно на него.

— Может быть. У меня вчера было много людей.

Она не лгала. Не защищалась. Не пыталась сделать вид, что помнит. Марк мог бы перечислить детали разговора, даже повторить точные слова. Но вдруг понял: список подробностей не заставит её вспомнить его. Он только докажет, что он сам помнит.

— Ничего, — сказал он и взял кофе.

Когда он вышел, город казался не более странным, чем минуту назад. Знак держался. Провод был закрыт. Кто-то принял его предупреждения и выполнил работу. А люди, через которых эти предупреждения прошли, не сохранили лица человека, их оставившего.

Город помнил места. Люди помнили дела. Марк всё чаще оставался между ними — как подпись, смытая дождём с бумажного бланка.

В городскую библиотеку он пришёл перед десятью. Утром ему захотелось проверить, появилось ли в старых городских сводках что-нибудь о странных строках на табло. Это было не слишком разумно, зато представляло собой действие. Он спросил у стойки, где найти местную хронику.

— В читальном зале краеведения, — сказала библиотекарьша и указала на коридор. — Вам нужна Элина.

Элина оказалась женщиной лет пятидесяти с короткими седыми волосами и спокойным лицом. На её бейдже было только имя. Она не спросила, зачем ему хроника, но попросила оставить сумку у стола и не трогать документы без перчаток.

— Газеты лежат по годам, — объяснила она. — Карточки можно фотографировать, если без вспышки. Архивные папки из комнаты не выносят. Если что-нибудь окажется не на месте, позовите меня, не пытайтесь сами переставить.

— Это правила для посетителей или для меня отдельно?

— Для всех, — ответила Элина. — Так легче не придумывать исключения на ходу.

Марк усмехнулся. Ему понравилась эта мысль, хотя он не был уверен, почему.

Элина поставила на стол коробку со старыми городскими бюллетенями и сняла крышку. Под ней лежала папка с ремонтными объявлениями, ещё одна — с планами улиц, и тонкий серый конверт без номера. Он выступал из-под стопки газет, словно его торопливо задвинули, но не успели спрятать.

На конверте от руки было написано: «Те, кого ещё не встретили, но уже помнят».

Марк прочитал надпись дважды.

— Это часть фонда?

Элина посмотрела на конверт.

— По форме — да. По происхождению — не совсем.

— Что это значит?

— Папка пришла в коробке с газетами несколько лет назад. Без описи. Мы храним её отдельно, пока не поймём, к чему отнести.

— И вы не знаете, кто её принёс?

— В журнале поступлений есть фамилия человека, передавшего коробку. Нет сведений о том, кто положил туда конверт.

Она говорила ровно, не отмахиваясь и не придавая словам особого веса. Марку вдруг стало легче: по крайней мере, она не собиралась объявлять его сумасшедшим или посвящать в устройство мира.

— Можно посмотреть?

— Можно. Перчатки на столе. Не вынимайте листы без нужды. И ничего не исправляйте, даже если увидите ошибку.

— А если узнаю имя?

— Тогда тем более ничего не исправляйте.

Папка была старше, чем казалась. По краям картона проступили белёсые потёртости, на корешке держался ржавый след от скобы. Внутри лежали несколько листов, сложенных пополам, и одна карточка из плотной кремовой бумаги. На ней был список имён, дат и адресов.

Почерк менялся от строки к строке. Часть записей была сделана тёмными чернилами, часть — выцветшим синим карандашом. Несколько слов исправили поверх прежних: в одном имени тонкая линия перечёркивала букву, рядом стояла другая. Бумага сохраняла отпечатки от ручки с обратной стороны. Это не походило на сон, на вспышку с экрана или на неправильно прочитанный знак. Лист можно было тронуть. В нём виднелись волокна, пятна и следы чужих пальцев.

Вверху карточки стояло: «Пятница, 22 сентября».

Под заголовком шли семь имён. Марк не знал ни одного. У каждого был указан адрес. На последней строке, написанной аккуратнее остальных, стояло:

«Марк Воронцов. Пятница, 22 сентября. Портовая, 18, квартира 4».

Он перестал слышать шелест газет.

Сначала пришло не чувство избранности, а раздражение — почти полезное. Кто-то взял его имя, поместил в чужой список и привязал к незнакомому адресу. Строка выглядела как назначение, к которому он не соглашался. Как будто его уже куда-то отправили и от него требовалось только явиться.

Он взглянул на Элину.

— Вы знаете, что это?

— Я знаю, что передо мной карточка с именами, датами и адресами.

— Здесь моё имя.

— Вижу.

— Вы не удивлены.

— Я удивлена не сильнее, чем бумагой, которая пролежала в конверте несколько лет и всё ещё не объяснила, зачем появилась.

Марк перевернул карточку. На обороте ничего не было, кроме мягкого серого пятна и следа от скрепки.

— Это предсказание?

— Я не знаю.

— Подделка?

— Возможно.

— Чьё-то воспоминание о будущем?

Элина чуть наклонила голову.

— Это уже три разных вопроса.

Марк поднял на неё глаза.

— Вы всегда отвечаете так?

— Нет. Иногда я отвечаю: «Не трогайте документ голыми руками».

Он тихо выдохнул. Напряжение не ушло, но перестало разрастаться бесконтрольно.

— Почему вы храните это, если не знаете, что оно означает?

— Потому что не знать значения — не то же самое, что не иметь перед собой предмета. Библиотека хранит разные свидетельства. Она не обязана объявлять каждое из них истинным.

Марк снова посмотрел на свою строку. Почерк возле имени был незнакомым, но ровным. Рядом с адресом одна цифра будто была подправлена: чернила темнее, нажим сильнее. Он провёл взглядом по остальным записям. Одно имя зачеркнули, но не убрали. Другое вписали на узкую полоску бумаги и приклеили поверх старой строки. Список не просто появился. Кто-то возвращался к нему.

— Если человек находит здесь себя, — спросил Марк, — что он обычно делает?

Элина не ответила сразу. Она закрыла коробку, чтобы сквозняк из вентиляции не шевелил края листов.

— Обычно начинает жить так, будто запись уже сказала ему, кем надо стать.

— А если она действительно знает?

— Тогда ему всё равно придётся решать, что с этим знанием делать.

— Это звучит как аккуратный способ ничего не объяснить.

— Я не объясняю того, чего не понимаю. Но правила знаю. Лист не выносят из читального зала. На оригинале не пишут. И если находят там своё имя, полезно спросить себя, чего именно человек ждёт от записи.

— Вы часто видели, чтобы кто-то находил своё имя?

— Достаточно часто, чтобы не считать это полезным занятием.

Её голос оставался мягким. Предупреждение звучало не как запрет, а как что-то проверенное.

— Почему люди ищут записи о себе?

— Потому что хочется, чтобы кто-нибудь другой уже решил, каким ты должен быть, — сказала Элина. — Тогда можно не выбирать самому. А если в записи указан адрес, люди начинают считать, что обязаны туда прийти. Даже если давно не хотят. Или хотят, но боятся прийти не такими, какими их ждут.

Марк опустил взгляд на строку. В груди шевельнулось узнавание, слишком точное, чтобы притвориться, будто он не понял.

Портовая, 18.

Он открыл телефон и нашёл чат с сестрой. Вчерашнее сообщение по-прежнему висело последним. Чуть выше, среди старых непрочитанных сообщений, было то, которое он получил несколько месяцев назад:

«Я переехала. Портовая, 18, квартира 4. Если всё-таки захочешь приехать, я дома по пятницам после шести. Не надо ничего решать заранее. Просто приезжай».

Марк прочитал его ещё раз. Потом — третий.

Сестра Нина ждала его не первый год. Сначала она приглашала на ужин, потом просила помочь разобраться с мамиными вещами, потом перестала объяснять, зачем им нужно увидеться. Он отвечал, что завал на работе, что не успевает, что лучше договориться позже. Каждый раз находилась причина, звучащая разумно в момент отправки. Со временем причины стали привычнее встречи.

Нина не требовала от него исповеди. Но Марк давно решил, что должен явиться к ней собранным: с хорошими новостями, ясными ответами, без стыда за то, что всё складывалось не так, как он когда-то обещал. Он годами готовился к разговору, который так и не начинался.

Адрес на карточке был незнакомым только до того, как он прочитал сообщение. Теперь он знал, что там живёт Нина. Завтра была пятница. После шести она будет дома.

Марк посмотрел на Элину.

— Похоже, адрес совпал.

— С чем?

— С одной возможностью, которую я откладываю.

— Совпадение может быть важным, — сказала она. — Но оно не становится приказом только потому, что вас встревожило.

Марк хотел ответить, что не подчинится бумаге. Но это тоже было бы подчинением, только с обратным знаком: если он не поедет лишь затем, чтобы доказать, что сам решает, решение всё равно останется вокруг списка.

Он открыл блокнот на чистой странице и разделил её на три части.

В первой написал: «Она сердится».

Под ней: «Хочу честно сказать: я тянул с встречей не потому, что ты мне не важна. Я боялся, что ты увидишь, как я сам собой недоволен».

Во второй: «Она говорит о простых вещах, словно ничего не произошло».

Под ней: «Хочу сказать: я скучал. И мне не нужно, чтобы мы за один вечер всё исправили».

В третьей: «Она не открывает дверь или не хочет говорить».

Под ней: «Хочу сказать: я пришёл, потому что сам захотел увидеть тебя. Не потому, что жду от тебя немедленного ответа».

Он перечитал написанное. Три сценария были не попыткой угадать завтрашний вечер. В них не было заранее выбранных исходов — только слова, за которые он был готов отвечать. Раньше он репетировал разговор так, будто от точности репетиции зависело, заслужит ли одобрение. Теперь задача была другой: не придумать правильного Марка, а не спрятаться за первым удобным объяснением.

Элина взглянула на блокнот, но не потянулась к нему.

— Вы нашли ответ?

— Нет. Я нашёл несколько вещей, которые могу сказать, если потребуется.

— Это не одно и то же.

— Теперь знаю.

— Что будете делать с карточкой?

Марк задержал взгляд на своём имени. Оно не изменилось. Не потемнело и не исчезло. Бумага не требовала, чтобы он стал лучше, смелее или убедительнее. Она не говорила, как сестра встретит его, будет ли сердиться, захочет ли разговаривать. Она только соединяла его имя с датой и адресом.

Строка могла быть угрозой. Могла — чужим наблюдением. Могла оказаться нелепой случайностью. Но ни одна версия не снимала с него необходимости выбрать.

— Я не буду забирать её, — сказал Марк. — И не стану считать её обещанием.

— Хорошее правило, — ответила Элина. — Особенно если вы сами его выбрали.

Он вернул карточку в папку. Потом попросил у Элины лист бумаги и переписал на него адрес сестры. Не потому, что боялся забыть. Чтобы запись лежала перед ним не как пророчество, а как обычный адрес, по которому можно поехать или не поехать.

В холле библиотека пахла мокрой шерстью и пылью. За стеклянными дверями день успел посереть. Марк остановился у доски с расписанием автобусов, достал телефон и открыл чат Нины. Его вчерашнее сообщение по-прежнему оставалось без ответа. Он не стал отправлять второе: «Ты помнишь меня?» — и не стал объяснять, почему спрашивает. Никакого ответа, который сделал бы выбор безопасным, телефон всё равно не обещал.

Марк открыл календарь и освободил завтрашний вечер. Потом написал в блокноте: «Пятница, после шести. Портовая, 18».

Он не записал, что скажет первым. Не пообещал себе, что будет спокоен. Не назначил разговору счастливый конец.

Он решил поехать.

Этого было достаточно для четверга. Завтра он мог встретить сестру, которая помнила его, не узнала его или не захотела открыть дверь. Ни один вариант не принадлежал карточке целиком. И ни один не отменял того, что теперь Марк выбирал сам.

Дома он положил блокнот рядом с ключами. На странице остались три возможных разговора и свободная строка внизу. Марк не заполнил её. Пусть завтра у него будет место для того, чего он пока не знает.

Записки для мира, который забывает

В пятницу, без десяти шесть, Марк стоял перед серой дверью на Портовой, 18, и слушал, как за ней работает радио.

Он приехал на двадцать минут раньше. Всю дорогу проверял адрес в блокноте, будто цифры могли переставиться местами, а вместе с ними измениться и решение. На нижней строчке страницы было написано: «Лида. Сестра». Почерк — его. Слово «сестра» он подчеркнул, потом зачеркнул и снова обвел. Так выглядела уверенность человека, который боялся узнать, что ошибся.

Из внутреннего кармана пальто торчала записка, приготовленная для незнакомки. Марк написал ее утром, на кухне:

«Меня зовут Марк. Возможно, ты меня не помнишь. Это не значит, что ты обязана мне верить».

Он перечитал ее перед выходом и добавил: «Я постараюсь объяснить». Потом вычеркнул последнее предложение. Оно звучало так, будто обещало больше, чем он мог выполнить.

Марк нажал на звонок.

Радио за дверью смолкло. Послышались шаги, потом щелкнул замок. Дверь открылась на ладонь и остановилась на цепочке.

Женщина смотрела на него не так, как смотрят на незнакомца. Не настороженно, не с интересом. Так смотрят на человека, которого уже оплакали и теперь боятся увидеть снова, потому что возвращение не отменяет горя, а только заставляет его повториться.

— Марк, — сказала она.

Он попытался улыбнуться. Не получилось.

— Лида?

— Да.

Она не сняла цепочку.

— Ты приехал.

В этих двух словах было больше усталости, чем радости. Марк почувствовал, как в груди поднимается приготовленная заранее защита: я не знаю тебя, мне нужна информация, объясни, что происходит. Он уже открыл рот, но Лида смотрела на него, не торопя. Ее лицо было бледным, под глазами залегли тени. За плечом виднелась прихожая с узкой полкой, на которой стояли ключи, две почтовые квитанции и чашка с засохшим стеблем.

— Я могу войти? — спросил он.

Лида помедлила.

— Не знаю. Ты помнишь, где здесь выключатель?

— Нет.

Она кивнула, будто этого ответа было достаточно, чтобы проверить что-то важное.

— Тогда пока постой.

Дверь осталась приоткрытой. Марк не стал просить шире. Он достал блокнот, но не открыл его.

— Я не знаю, что тебе рассказали, — сказала Лида. — И не знаю, что ты сам помнишь.

— Почти ничего.

— Понятно.

— Это не значит, что я тебе не верю, — быстро добавил он.

Лида опустила глаза на его руки.

— Я не просила верить.

В коридоре пахло пылью, мокрой шерстью и чем-то сладковатым — будто на кухне только что заваривали чай с вареньем. От этого запаха Марк вдруг ощутил знакомую чуждость:

не воспоминание, а его тень. Мокрый рукав у батареи. Синяя чашка со сколом. Женский голос, доносившийся из соседней комнаты. В первую ночь он записал эти детали в блокнот и поставил рядом вопросительный знак. Тогда они не принадлежали никакому месту. Теперь у них появился адрес.

— Мы правда брат и сестра? — спросил он.

Лида медленно выдохнула.

— Да.

— Я не пытаюсь тебя задеть. Просто мне нужно понять, что можно проверить.

— Проверь. У тебя фамилия та же, что у меня. Наши родители — Анна и Павел. Я старше тебя на четыре года. В кухонном шкафу лежат фотографии. Если они еще там.

— А ты можешь рассказать что-нибудь, чего не найти на фотографии?

— Могу. Но не обязана.

Она произнесла это без угрозы. Просто обозначила границу, которую Марк, возможно, раньше не замечал.

— Конечно, — сказал он.

Лида посмотрела на него внимательнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.